

Владимир Нарафимов

ПРАКТИКА

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОФИЛЬ

Первым звуком, который Костя услышал после пробуждения, был монотонный стук дождевых капель по крыше палатки. «Опять дождь или снова дождь? Как правильно?» Этот вопрос отвлек от грустной констатации, что дождь не заканчивается уже четвертый день. Справа доносилось мерное посапывание друзей: Игната и Игоря Ивановича, а спящая в палатке слева Вера-Веруня дышала почти бесшумно. Вот ей, наверное, даже радостно, что сегодня не пойдем в маршрут. Игнат будет продолжать свою фигурную резьбу ножом по березовому полюну – «вырезать дураков» – как правильно обозначила этот род занятий Вера. Сама она, по-видимому, будет штопать что-то непонятное – то ли носки, то ли варежки. «Шила милому штаны, вышли рукавицы», – так сама Веруня определила характер своих занятий. Игорь Иванович, наверное, примется за осмотр и чистку своей «мосинки» – выданной ему, как начальнику поискового геологического отряда, винтовки.

«А что буду делать я?» – думал Костя. «Сырая палатка, и писем не жди...» – вспомнились слова известной песни. Но надо выходить на промозглую сырость таежной поляны, готовить и разжигать костер для завтрака – сегодня он дежурный по кухне. «Да, – подумалось, – писем не было уже более трех недель – невиданный срок для постоянной переписки с Ритой. Виновата погода, вертолетчики или начальство, от которых зависит борт с аэродрома Хурба в Комсомольске-на-Амуре на горный приток Амгуни – реку Баджал. Скорее всего – всё вместе. А что сейчас делает Рита в родном Привольном? Там, на Николаевщине, только-только улеглись спать после длинного, теплого и тихого украинского вечера».

Мысли о далеком доме, молодой жене, родных отвлекали от четырехдневного лежания в палатке: «Мы, кажется, отработали двадцать третий профиль, осталось еще четырнадцать и – на новый участок».

Костя Привалов, студент-практикант из Кривого Рога, в составе геологического поискового отряда проходил поисковыми маршрутами очень перспективную на олово площадь в верховьях Баджала. Начальником отряда был Игорь Иванович Орлов, с типичной для поисковика внешностью – бородатый, среднего роста, худощавый и жилистый, с большими выразительными губами и выдающимся подбородком. Наверное, он был бы большим любимцем женщин, но в силу своей молчаливости как-то сторонился их, особенно в полевой обстановке. В городе у него была жена и дети. Сам же Костя не считал себя видным, из всех достоинств

у него выделялись большие серые глаза и темно-русые кудри. Перед самой практикой он женился и, прожив с молодой женой две недели, улетел на практику на Дальний Восток. Игнат Терехин, Костин друг, тоже студент-практикант, жил неразлучно с Костей в одной комнате общежития уже четыре студенческих года; он обладал статью и характером твердого сельского парня, верного и непустословного. Женскую половину отряда представляла студентка-практикантка из Саратова Вера Крылова – «саратовская булочка», как она себя называла, видная русоволосая красавица из породы некрасовских женщин с веселым, до степени хохотушки, нравом. Вот такой был состав геологов небольшого отряда, который имел задачей выявить перспективные участки для дальнейшей разведки на олово, – металл, на который постоянно возрастал народнохозяйственный спрос. В окрестностях Комсомольска-на-Амуре уже было известно несколько оловоносных месторождений, поэтому Комсомольская геологоразведочная экспедиция, желая закрепить достигнутый успех, рассылала повсюду поисковые отряды, где хоть чуть-чуть могло оказаться олово.

Так Костин отряд приступил к работе в окрестностях Баджала. Вот уже миновали июнь и июль, маршрутами исхожен не один десяток километров, а «зоны» все нет. «Зоной» в отрядном просторечье именовались признаки наличия касситерита – основного минерала на олово. Зона касситеритовой минерализации часто сопровождается белыми кварцевыми жилами, которые геологи пристально выглядывали среди серых и черных эффузивных пород, слагающих прибаджальские хребты и сопки. Никак не давалась им эта «зона», хотя при ее поиске был сломан не один геологический молоток.

Однажды Косте показалось, что он нашел ее, долгожданную. Спускаясь с очередного хребта по распадку, среди высоких кустов стланика он заметил белеющие развалы кварца. Сердце быстрее застучало в преддверии большой удачи, как у грибника, набредшего на нехоженое стойбище боровиков. Белые куски кварца были усеяны желто-зеленой плёнкой минералов железа и меди, но искомым вкраплением темного касситерита не было. Подошел сопровождающий его маршрутный рабочий Колька Дягилев.

– Неужто нашли олово? – в его глазах промелькнул живой интерес.

– Нет, олова тут не было, но есть кое-что другое... – многозначительно посмотрел на Кольку Костя. – Смотри сам.

Колька взял образец белого, с желтыми прожилками кварца:

– Ух ты, наверное, золото?

Немного помолчав, Костя взял образец назад:

– Оно, родимое.

Костя решил подшутить над Колькой, выдав мелкие желтые кубики пирита, железного колчедана, за золото.

– И что ты будешь делать с этим куском золота?

Колькин интерес к образцу возрастал.

– Как что? – Костя сдвинул строго брови. – Сдам на анализ ближайшим бортом.

– Слушай, Константин, – Колька с жалобной миной протягивал руку к белому образцу, – дай немного на зуб, никто не узнает.

– Нет, нам нельзя, судить будут, – Костя посчитал разговор оконченным и запаковал подписанный образец в рюкзак.

Вечером после ужина, попивая густой черный чай из полулитровой банки, держа ее с помощью приспущенного рукава куртки-энцефалитки, Костя со смешками и прибаутками в лицах показывал беседу о золоте на прошедшем маршруте. Смеялись сидящие рядом Игнат и Вера, не смеялся только Игорь Иванович.

– Слушай Костя, а ты подумал о завтрашнем дне? – очень серьезно спросил Игорь Иванович.

– А что о завтрашнем? – не понял вопроса Константин.

– А то, что ты, да и мы с тобою можем не дожить до завтра с твоим обманым золотом, такие случаи были.

Пришлось Косте идти к соседней палатке и просить прощения за неудачную шутку, раскрыть правду о золоте. Теперь уже хохот стоял у палатки, где жил Колька и другие рабочие.

Дождь немного приостыл, осталась одна мелкая тягучая влага. Костя без особого труда развел костер, взяв из-под навеса сухих поленьев, а в качестве растопки отодрал несколько тонких слоев бересты, зачерпнул из ручья ведро воды и повесил над костром. Мужская работа по кухне была окончена. Варить рожки, гречку или рис, заправлять их тушенкой – дело женское, обычно это делала Вера-Веруня. Мыть кастрюли – тоже мужская работа (тарелки и кружки каждый мыл сам). Но мытье кастрюли – одно удовольствие: спускаешься с ней к ручью, берешь охапку мха, зачерпываешь воды и горсть ила и через несколько минут кастрюля сияет.

Меню от Веры не отличалось разнообразием. Вчера на ужин – гречка, сегодня на завтрак будет рис, на ужин будут макароны, а потом снова гречка... И так много раз. Костя зашел в продуктовую палатку, набрал в пробный мешок, предназначенный для хранения штучных проб, рис, захватил четыре банки тушенки (три говяжьи советского производства и одну китайскую свиную под названием «Великая стена») и аккуратно сложил на самодельном тесаном столике у кострища. «Да, припасы здорово истощились, – подумал Костя. – Съели сушеный картофель, съели немногочисленные овощные заготовки: перцы, лечо; сухарей осталось чуть-чуть. Хорошо, что мука есть, но что с нее взять без дрожжей, соды, молока, яиц и прочего, без которых не получится даже простой булки». Костя вспомнил опыт по выпечке коржей из теста, приготовленного из муки, соли и воды. Как отметил рассудительный татарин Камалов: «Эти коржи могут быть колесами у арбы, но никак не пищей для зубов».

Утро и солнечный свет разгоняли остатки ночной влаги. Вера уже плескалась у ручья за палаткой.

После завтрака Игорь Иванович, почесывая свою шкиперскую, как у норвежского китобоя, бороду, окинул взором поисковую команду:

– Ну что, ребятки, дождь вроде бы ушел, через пару часов можно и в маршруты.

– Ура! – вырвалось у Веры-Веруни. – А с кем я иду?

– Сегодня ты идешь со мной, – Игорь Иванович знал тайное желание Веры пойти вторым с Костей, да и для всех в лагере это не было секретом.

– С Игнатом пойдет Камалов, а Костя и Колька пойдут вместе искать золото, а если повезет – то и касситерит найдут.

Игорь Иванович помолчал, а потом добавил:

– Горняки пойдут на северный хребет для рытья канавы, я тоже там буду, а Костя и Игнат будут заканчивать профили.

Костин маршрут начинался в долине безымянного ручья, у которого был расположен лагерь поисковиков. Долина заканчивалась распадком с осыпью мелких и крупных камней, а распадок выше переходил в неровные зубцы скал хребта. Лес появлялся внезапно, сначала кустарниками стланика, ольхи и мелких кривых берез, которые переходили в негустой осиновый и березовый пролесок с редкой сосной. Где-то ниже кустов и редких деревьев в середине долины возникал ручей, который быстро набирал силу и мощь. У лагеря и в палатке постоянно слышался его урчащий шум. Пройдя по долине с ручьем в сторону километра два, Костя начал высматривать на деревьях затесы, обозначающие номера профилей. Хотя разбивку профилей он проводил сам с помощью буссоли, очень напоминающей морской компас, найти затесы было непросто. Но вот и искомый профиль. Взяв по горному компасу направление и отметив ориентиры, Костя свернул с тропы в редкий подлесок, переходящий в густые кусты стланика. Колька брел сзади, высматривая в траве какую-нибудь живность. Встретив жука или птичку, он радостно вскрикивал: «Смотри какой!»

Через сто метров движения по профилю (расстояние отслеживалось естественным доступным методом – парой шагов, которая у Кости составляла метр сорок сантиметров) – небольшой привал с описанием точки наблюдения. Точка наблюдения включает битье молотком окрестных камней (а по геологически – горных пород), рассматривание их в лупу и исписывание полстраницы текста в полевой книжке. Кроме этого – приятный перекур с болтовней о забытой городской жизни.

– Эх, пару кружечек пивка бы, – вздыхает Колька.

Костя, докурив сигарету до самого края, обжигая губы, сплюнул:

– Нет, я пиво не люблю, сейчас бы сухого винца, каберне или гимзы, на худой случай и алиготе пошло бы.

Колька скривился:

– Что ты в этой кислятине нашел?

Костя, вставая:

– Тебе не понять благородных людей. Вот у нас в городе по улицам стоят автоматы, наливающие стакан сухого вина. Знаешь, сколько стоит стакан? – не дожидаясь Колькиного ответа. – Десять копеек, а кружка сухого вина с бочки, торгующей вместо пива, тридцать шесть копеек.

Колька возразил:

– Пиво дешевле.

До обеда пройдено десять наблюдательных точек маршрута, осталось восемь. Место для привала на обед выбирается на сухой, усыпанной хвоей, сравнительно ровной площадке между двух сосен. Для небольшого костра подошел сухой валежник сосны и веток стланика. Внутри костерка закладывается открытая банка тушенки и котелок с водой для чая, открывается банка сгущенки. Все это вместе с двумя сухарями быстро исчезает в желудках. Говорить уже не хочется, тянет ко сну, но надо перебороть эту минутную слабость, встать и идти дальше. Костя прикидывает новые ориентиры и уже бодрыми упругими шагами в резиновых сапогах покрывает расстояние до следующей точки. Профиль проходит среди высоких кустов стланика.

Колька сзади затынул свою любимую про ЛЭП-500:

Нет невест у ребят отчаянных,
Только в песне порой встречаем их.
Проводов голубыми пальцами
Мы, девчата, тянемся к вам.

А в тайге горизонты синие.
ЛЭП-500 – не простая линия.
Но пускай тот, кто не был в ЛЭПи,
Завидует нам!

Первым шевеление высоких кустов стланика впереди заметил Колька:

– Костя, смотри! – он перешел на шепот. – Наверное, медведь.

Костя остановился и осторожно снял с плеча тульскую одностволку. «В ружье, по-видимому, патрон с дробью “четверка”», – подумал он. А где в патронташе лежат несколько «жаканов», он не помнил. Надо проверять отметки, а это долго. Шевеление уже пошло по дальним кустам и исчезло так же внезапно, как и началось.

– Ну что, Николай, испугался тебя медведь и срочно дал деру?

Костя усмехнулся, поправляя рюкзак и накидывая на плечо «тулку». Колька молчал, то ли от пережитой и опасной встречи с кем-то, то ли от потери возможной добычи.

– А давай посмотрим следы, – промолвил он спустя пару минут, направляясь к ранее шевелящимся кустам.

– Постой, Колька, а вдруг он там залег... – Костя опять шутил, зная, что если и был зверь, то сейчас он уже далеко. Поиск следов из-за отсутствия охотничьего опыта не принес им ничего.

Далее профиль выходил из кустов стланика на пригорок, где уже появлялись каменные осыпи. Не успели сесть на очередной «точке», как откуда-то издали послышался резкий звук, похожий на выстрел или взрыв аммонитовой шашки в разведочной канаве у горняков на хребте. Костя и Колька остановились, вглядываясь в синее марево над хребтом. Звуки повторились еще несколько раз, и вновь тишина.

– Что это? – вопросительно промолвил Колька.

– Не знаю, может быть рвут породу в канаве, – ответил Костя. – Но я думаю, что ничего плохого не случилось, и надо продолжать маршрут.

Профиль они закончили незаметно, когда солнце уже клонилось к противоположному хребту. Надо по светлому времени успеть к лагерю, потому что путешествовать ночью в лесу очень опасно из-за полной темноты и отсутствия каких-либо средств освещения, типа фонариков. К лагерю они приблизились с надеждой, что Игорь Иванович с Верой или Игнат с Камаловым вернутся раньше, разожгут костер и поставят вариться ужин. Уже в сумерках подойдя к палаткам лагеря, они с удивлением увидели, что никого нет – ни Игоря Ивановича с Верой, ни Игната с Камаловым, ни остальных рабочих – горняков, занятых рытьем канавы. Первая мысль в голове: «Так не может быть, что-то случилось неординарное, что к темноте никто не вернулся в лагерь». Каждый старший уходящий в маршрут или на канавы в экстренном случае должен был оповестить об опасности двумя ракетами. Ракет они не видели; правда, слышали звуки взрывов на канаве – но это обычное дело. «Надо пускать ракеты», – решил Костя. Первую ракету он пустил довольно удачно, близко к вертикали вверх. Она, погорев полминуты, погасла, не долетев до земли. Вторую, впопыхах, послал под углом, и она, не успев сго-

реть, упала на склоне метрах в ста от лагеря. Сухая трава вспыхнула, как порох, и огонь побежал к окрестным кустам и редколесью. «Колька, скорее!» – крикнул Костя, снимая куртку-энцефалитку. На тушение не успевшего набрать силу очага с битьем пламени куртками и притаптыванием сапогами ушло примерно полчаса, и темнота уже прочно убрала привычные очертания предметов.

«Идти на северный хребет к канавщикам ночью – дело гиблое, дождемся утра», – решил Костя, разжигая костер для ужина. Обычный балагур Колька притих, сидел молча в сторонке и не принимал никакого участия в этих приготовлениях. Костер вспыхнул быстро, радостно разгоняя темноту и давая привычное понимание быта и пространства в лагере.

– Колька, ты что-нибудь расскажи или спой, что сидишь и сопишь, как бурундук, – вклинился в тишину, нарушаемую потрескиванием огня в костре, Костя.

– Я тебе не какая-нибудь тетеря, чтобы воздух сотрясать, – обиженно и с фальцетной ноткой почти прокричал Колька.

Из темноты внезапно появились темные фигуры.

– Что за шум, а драки нет? – послышался голос Игоря Ивановича.

За ним показались Игнат с Камаловым и Вера-Веруня. Все, кроме Веры, сняли тяжелые рюкзаки. «Видно, какой-нибудь груз», – мелькнула мысль у Кости.

Вера сразу бросилась к Косте:

– Ой, что было, что было! Мы лося убили. Ты знаешь, как страшно было – рога здоровенные и борода... – она трещала без умолку. – А Камалов его разрезал на части.

У Кости отлегло от сердца:

– Вы что, моих ракет не видели?

– Видели, – ответил Игорь Иванович, копясь в рюкзаке и вытаскивая мясо.

– Горняки остались ночевать на хребте в палатке со взрывчаткой и инструментом, а мы уже спускались в лагерь и не стали тебе отвечать ракетницей, а то бы ты, неровен час, поперся нам навстречу блудить ночью и орать. Так что принимай мясо на ужин, отварим печень и другую требуху – они быстро варятся.

Костя взял мясо, положил в ведро и удивился, что печень такая огромная и полужидкая на вид. Скоро почти полное мясом ведро уже грелось над подкинутыми в костер поленьями.

– Ну, рассказывайте, как все было, – ожил тут Колька. – Мы испереживались: ужина нет, лагерь пустой, и что делать, не знаем.

– Как что? Ложиться спать, утро вечера мудренее, – встрял в беседу Игнат. – А что не жрамши, так сон крепче, без кошмаров.

Колька на эту реплику промолчал, у него еще не прошел шок от безлюдного лагеря и пожара.

– Представляете, – продолжил Игнат, – сохатого кто-то здорово напугал, он прибежал по склону со стороны вашего профиля и выскочил прямо на канаву, где мы были с Игорем Ивановичем. Рабочие врассыпную, Верка визжит и всё такое. Ну, Игорь Иванович с общего перепугу и впаял ему с трехлинейки три или четыре пули, он покачался и рухнул.

– Все понятно, – сказал Костя, – как вы завалили лося. Но как он сумел столько пробежать, не получив разрыва сердца от того, что кто-то его напугал до вашей канавы – это очень непонятно.

Игнат даже привстал, глядя на Костю:

– А ты вроде бы знаешь, кто его напугал?

Костя, многозначительно кивая на Кольку, ответил:

– А вот он, не наевшись тушенкой, кинулся на сохатого с ложкой, когда он мирно отдыхал у нас на профиле.

Дружный хохот заставил засмеяться даже ошарашенного этой шуткой Кольку. Так двадцать четвертый профиль принес нечаянную удачу – неожиданно-негаданно отряд получил пару центнеров свежего мяса, что было большим подарком – и как пропитание, и как средство от цинги, так как некоторые из горняков жаловались на боль в зубах.

ВЕРИНА ЛЮБОВЬ

Прошло еще несколько дней, маршруты по профилям заканчивались. И вот в одно утро Игорь Иванович объявил, что сегодня в маршрут с Костей пойдет Вера. Костя обрадовался, хотя внешне казался равнодушным, а Вера – просто сияла.

Еду для нехитрого обеда она собирала сама, а вместо положенного маршрутному рабочему инструмента – лопатки и кайла, она приготовила начищенный, с изящной ручкой, молоток.

Двигались, как всегда, гуськом – Костя в рабочем геологическом костюме, состоящем из широченных брюк, куртки-энцефалитки с капюшоном и резиновых сапог, шел впереди с полевой сумкой на левом и с ружьем на правом боку, с рюкзаком за спиной. В рюкзаке – ракетница с ракетами, пачка пробных мешков и фляжка воды с котелком, в сумке – полевая книжка-пикетажка, лупа, карандаши и свернутый вчетверо лист синьки-топоосновы с нанесенными профилями. Костюм Веры отличался более изящной, подшитой под фигуру курточкой, спортивными брюками и вместо сапог – ботинками. Верин рюкзак хранил их общий обед и должен был быть вместительным для металлометрических проб, которые Костя, как истинный джентльмен, готов был положить в свой рюкзак.

Костя шел молча, разглядывая лесные прогалы, почти не слушая Верину щебетанье сзади. Оказывается, она затянула песню:

Люди идут по свету...
Им, вроде, немного надо –
Была бы прочна палатка,
Да был бы нескучен путь!
Но с дымом сливается песня,
Ребята отводят взгляды,
И шепчет во сне бродяга
Кому-то: «Не позабудь!»

Они в городах не блещут
Манерами аристократов,
Но в светлых высоких залах,
Где шум суеты затих,
Страдают в бродяжьих душах
Бетховенские сонаты
И светлые песни Грига
Перепополняют их...

– Послушай, Костя, ты любишь песни Грига?

Костя даже остановился:

– Нет, Вера, я люблю Булата Окуджаву.

– А я такого композитора не слышала.

Костя засмеялся, увидев Верины погрустневшие глаза:

– А он не композитор, он такой же бродяга, как мы с тобой, только бард. Вот послушай:

По смоленской дороге леса, леса, леса.

По смоленской дороге столбы, столбы, столбы.

Над смоленской дорожкой, как твои глаза, –

Две вечерних звезды – голубых моих судьбы.

«Это вот в точку, про твои глаза, милая Веруня, только дорога не смоленская, а ваша тверская, деревенская», – подумал Костя и двинулся дальше, напевая песню. Он и не заметил на тропе вывернутый корень сосны, зацепился за него левым сапогом, растянулся по тропе во весь рост, больно ударившись бедром об приклад ружья. Вера подбежала сзади и, взглянув лежащему Косте в лицо, предложила:

– Подвинься, я лягу рядом.

От такой наглой шутки даже боль в бедре прошла. Костя усмехнулся, вставая:

– Ох и дождешься, Крылова, когда-нибудь...

– А я уже давно жду и жду, – с грустинкой в голосе ответила Вера-Веруня.

Костя промолчал и сделал вид, что не понял, о чем идет речь. Хотя давно уже знал, какую опасность для него представляет глубокий взор Вериных большущих глаз, перед которыми устоять очень трудно. Для себя он избрал, как казалось, хорошую тактику защиты – не подпускать Веру близко и не создавать ситуаций, когда они остаются наедине. Но ситуации эти возникали постоянно и как-то внезапно.

Месяцем раньше Игорь Иванович послал Костю на новый участок – разбить магистраль с профилями и поставить палатку. Костя, в силу уже имеющегося у него опыта, работу эту сделал сравнительно быстро и ждал прибытия остальных людей поискового отряда. Но, к его глубокому сожалению, ночью пошел дождь, который сделал непроходимой часть тропы, проходящей по долине безымянного ручья. Ручей рычал и бурлил, как настоящая горная речка. Ни о каком переходе людей через этот шумящий поток не могло быть и речи.

Костя загрустил – у него сегодня день рождения, а он один в палатке со своими грустными мыслями. И вдруг...

Это «вдруг» ворвалось к нему в палатку с криком:

– Костенька, это я, принимай гостей! – Вера подбежала и начала так трясти его за руки, что Костя слегка ошалел от такого приветствия. – С днем рождения, дорогой мой Учитель!

У нее «Учитель» звучало, как у М. Булгакова «Мастер», и означало высшую степень преданности и уважения.

– А где остальные?

Вера смотрела на него и ничего не слышала:

– Кто? А... остальные, а я одна, остальные не захотели плыть через ручей.

Только теперь Костя заметил, что Вера почти полностью мокрая.

– Что же ты наделала, неразумная Верочка, вот тебе мой свитер, рубашка и спортивные брюки, быстро переодеться! – бросил ей одежду Костя, выходя из палатки, заметив, что она без рюкзака.

Он разжег костер, вскипятил котелок с чаем, кинул туда несколько листьев пахучей лесной смородины и с открытой банкой сгущенного молока зашел в палатку – Вера-Веруня с закрытыми глазами, свернувшись калачиком, лежала сверху на спальном мешке. «Ну вот, умаялась, лягушка-путешественница, хорошо, что благополучно через ручей перебралась, могло быть и хуже», – подумал Костя. Он вышел из палатки, сел на поваленный ствол сосны у ручья и, как всегда, хотел перенестись мыслями домой, но о доме почему-то не думалось.

– Ты знаешь, Костенька, а я подарок тебе забыла отдать, – послышался Верин голос сзади, – я же книжечку стихов приготовила, вот, послушай.

А я останусь, а я останусь
В твоём бревенчатом доме,
Захочешь – я тебе достанусь,
А не захочешь – никому!

– Вот такие дела, мой Учитель. Нравятся стихи?

«Конечно, нравятся, – подумал Костя, – только незачем тебе об этом знать».

Они прошли по профилю вверх по кособокому гребню точек семь-восемь, Костя сделал два или три перекура, а Вера не умолкала всю дорогу, рассказывала про детство в тверской деревне, про первую школьную любовь, про младшую сестренку, отчаянную хулиганку, и еще о многом, что было главным в ее жизни. «Похоже, что все у нее было хорошо, она от природы – законченный оптимист, и ничем ее не проймешь», – подумал Костя.

На обед, кроме тушенки, Вера подала рисовую кашу и пахучий густой чай.

– Слушай, Костя, ты когда последний раз мыл свои кудри? – обратилась к Косте Вера, складывая обеденную посуду.

– Не помню, а что? – повернулся к ней полулежащий Костя.

– В зеркало посмотри, там уже птички гнездо свили – сказала она со смехом.

Костя, не любивший зеркало и все, что с ним связано, в этот раз посмотрел на свою шевелюру. Волосы на голове напоминали большую густую шапку, через которую не то чтобы свет не проникал, вода стекала, как с крыши. Это же очень практично, подумал Костя, но Вере не нравится, хотя ночью иногда пользуется моими волосами. Вере, когда она спала в спальнике рядом с Костей, иногда разрешалось запускать пальцы в Костины волосы и спокойно засыпать.

Однажды эта Верина привычка привела к довольно смешному случаю. Как-то поздним вечером после ужина, когда темнота уже вступила в свои ночные права, геологи сидели возле палатки и вели какой-то разговор ни о чем. Костер догорал, шумел ручей, и уже пора было открывать спальные мешки. Тут откуда-то послышался далекий протяжный человеческий крик. Все встали и начали прислушиваться. Крик повторился, потом еще раз. Это было со стороны распадка и хребта. Игорь Иванович достал ракетницу и выпустил в направлении криков ракету.

Спустя некоторое время крик раздался уже почти рядом. Игнат ответил: «Сюда, сюда». Из темноты появились две фигуры. Это оказались двое ученых-географов,

обследующих окрестности Баджала. С хребта они заметили свет костра и пошли через ночной лес в надежде выйти к людям. После совместного чая и беседы Костя по-джентльменски уступил свое спальное место старшему из географов, а сам со вторым отправился в рабочую палатку.

Утром во время завтрака старший географ, плотный, коренастый, лысый мужчина лет около пятидесяти, рассказывает о ночных приключениях:

– Просыпаюсь поздно ночью от того, что кто-то меня по лысине гладит рукой сбрасываю руку, засыпаю. Примерно через час опять просыпаюсь с рукой на своей лысине и так борюсь с этой рукой до самого утра. Что бы это значило?

Игорь Иванович улыбнулся:

– Это рефлекторная детская привычка нашей Веры.

Присутствующие при этом рассказе, включая и Веру, понимающе засмеялись, только Костя не смеялся и молча краснел.

Вообще, вокруг Веры постоянно складывалась какая-нибудь неординарная ситуация. Однажды один из рабочих-горняков по имени Витек, худощавый невзрачный мужичок лет тридцати, захотел оказать Вере знаки внимания. На его разговоры она не реагировала, и он решил подарить ее подарками. Очередной прилетевший вертолет доставил ему пробный мешок шоколадных конфет, который он принес Вере. Вера отказалась, на что услышала Костино и Игнатово замечание:

– Бери, мы съедим.

Вера уже сердито заметила:

– Олухи. За это ведь ему что-то надо платить.

На что друзья ответили:

– А ты бери и взамен ничего!

Вера с сожалением заметила:

– Какие вы дети.

Вторым вертолетом Витек получил уже более дорогую и обстоятельную вещь – радиоприемник «Спидола», сокровенную мечту многих молодых конца шестидесятых. Он принес Вере и вручил ее с некоторой опаской, без свидетелей. Как рассказывала Вера, она очень твердо отказалась принять такой дорогой подарок. Витек унес радиоприемник за лагерь и расстрелял из ружья. Больше друзья его рядом с Верой не видели. По её более поздним рассказам, он мелькнул в её жизни еще раз, посетив тверскую деревню и учудив переполох в родительском доме, сделав что-то вроде сватовства.

А сейчас до конца Вериного счастливого профиля осталось совсем ничего.

– Как ты думаешь, Костя, завтра мы будем проходить соседний профиль? – обратилась к Косте Вера, делая ударение на «мы».

– До завтра еще дожить надо, – ответил Костя, разглядывая очередной образец горной породы.

«Сколько пройдено, а “зоны” нет, – подумал он. – Не подтвердились знаки касситерита, обнаруженные шлиховыми пробами, намытыми в предыдущих поисковых маршрутах в окрестных Баджалу ручьях и реках. Наверное, кинут нас на другой участок».

После ужина и традиционных вечерних посиделок по Вериному принуждению Костя подставил свою прическу под ковш с водой. Волосы почти не мылились, и

пришлось их несколько раз споласкивать из кастрюли с теплой водой, даже воды не хватило. Зато утром... Ах, что было утром, когда ничего не подозревающий Костя выполз со спальника и явил на свет дневной свою прическу, приправленную макаронами, которые вечером кто-то оставил, полоща миску в кастрюле. Игорь Иванович заметил, что Косте можно завтрак не давать – он у него на голове. Больше всех, конечно, веселилась виновница Костиного нечаянного завтрака – Вера-Веруня.

Игорь Иванович после завтрака принес радиограмму и с ней радостную новость – сегодня ожидается борт, и из экспедиции прилетит начальство, пожалует сам главный геолог Мальцев Александр Ильич; надо подготовить краткий отчет, собрать и проверить отобранные пробы. В лагере сразу у всех появилась куча дел – Костя наносил на топооснову задокументированные маршруты, Игорь Иванович начал писать пояснительную к отчету, Веруня, радостно напевая, собирала отрядную утварь для кухни, а Игнат складывал инструмент.

Через несколько часов, уже ближе к вечеру, послышался характерный «пах, пах, пах» вертолета, который зашел на посадку над прибрежной косой у реки Баджал. Через полчаса в палатке-камералке появились рыжие кудри и голубые глаза Александра Ильича:

– Ну что, молодежь, засиделись и прокисли? Нашли зону? А то, вместо рудной, загремим мы все на лагерную?

И сам же ответил:

– Чувствую, что нет. И где же она – милая моя, взял бы я тебя... – закончил он словами из песни. – Готовьтесь искать «милую» на другом участке, километров триста отсюда. Полетите завтра и послезавтра двумя бортами, а вас на этом участке ждет замена, которую я привез.

В это время зашли трое геологов – один чернявый небольшого роста, лет сорока, второй плотный, усатый, примерно того же возраста и третий молодой, худощавый, похожий на практиканта высокий очкарик.

– Ну что, будем передавать дела или отмечать встречу? – обратился к Игорю Ивановичу усатый геолог, похожий на актера Николая Губенко, улыбаясь и шагая с широко расставленными для объятий руками.

И, после крепких рукопожатий и обнимания, в тон ему ответил Игорь Иванович:

– Первым делом – вертолеты... Надо проводить начальство, дорогой Григорий.

После ужина, закончившегося уже после полуночи, когда гости ушли спать в палатку-камералку, Игорь Иванович объявил своим диспозицию на завтра:

– Первым бортом завтра лечу я с Игнатом, с нами двое горняков, палатки, спальники, рюкзаки и всякая мелочь. Вторым бортом полетит Костя с продуктами, взрывчаткой и инструментами.

Сидящая на стульчике-чурке Веруня даже привстала:

– А я когда?

Её озорные и веселые глаза наполнились тревогой.

Игорь Иванович молчал с минуту или две, остальные тоже сидели молча:

– А ты остаешься с прибывшим отрядом, это решение Александра Ильича.

Вера, всхлипнув, вскочила и побежала в кусты за палаткой.

– Вот такие дела, ребята, – Игорь Иванович встал, вглядываясь в направлении исчезнувшей Веры.

– Дали нам трудный участок, связи не будет. Из-за этого забросить – забросят, а выбираться будем сами по обстоятельствам, расстояние до ближайшего населенного пункта – триста километров, так что Крыловой нельзя быть с нами, – он махнул рукой, – пошли спать, завтра трудный день.

Утром Костя, отмыв в ручье ледяной водой лицо и вымывшись до пояса с фырканьем и вскриками «как хорошо», направился к кострищу, где уже хлопотала Веруня и сидел Игнат. Вера как-то необычно отворачивалась от Кости, пряча лицо, помешивая очередную кашу.

Костя, не понимая, в чем дело, зашел с другой стороны:

– Доброе утро, Вера.

Вера повернула к нему красные щеки с опухшими глазами.

– Что с тобой?

– А то ты не знаешь. Пока ты дрых ночью, я перелезил через тебя и успокаивал плачущую Веру.

Игнат укоризненно покачал головой:

– Ну и здоров же ты спать!

Половина дня прошла незаметно в хлопотах по сбору и переноске вещей на вертолетную площадку. И вот Игорь Иванович, Игнат, Камалов и Колька Дягилев грузят прилетевший МИ-8. Когда кто-то из экипажа, который следил за погрузкой вещей в вертолет, чтобы не было перегруза, отошел в сторону, Игорь Иванович скомандовал: «Грузи железо быстро!»

Шустрые геологи тут же занесли в вертолет несколько ящиков с разобранными печками-буржуйками. Перед посадкой по традиции фото на память. Не было только Веры – она не пришла на вертолетную площадку для прощания. Вертолет, загудев натужно турбинами, приподнялся на несколько метров, наклонился вперед и начал разгон вперед и вверх. В конце речной косы, метрах в семидесяти от взлетевшего вертолета, на берегу Баджала высился завал из сушняка, принесенного паводком. Костя с ужасом подумал, что перегруженный вертолет сейчас заденет колесами шасси этот завал, но счастье или бог были на стороне геологов – колеса миновали завал, и вертолет пошел вверх вдоль Баджала.

Костя проверил накрытый брезентом груз, приготовленный на вертолетной площадке к завтрашнему борту, обложил края брезента окатанными валунами и пошел разыскивать Веру в базовом лагере. Хотелось по-доброму, без спешки проститься. Время для этого было, его рюкзак уже лежал на вертолетной площадке, спальник он оставил в палатке-камералке, которая стояла невдалеке в прибрежном лесочке. Веры нигде не было. Неужели ушла на свой участок в палатку, которую уже заняли вновь прибывшие? Он направился по знакомой тропе на свой бывший участок.

Веру он увидел на излучине Баджала, под одинокой сосной. Ветерок шевелил русые волосы, серые глаза следили за белыми бурунами течения, было что-то красивое и одновременно печальное в ее единении с рекой. Костя подошел и молча сел рядом. Говорить какие-то необходимые в таких случаях слова не хотелось.

– Пойдем, Вера, я тебя проведу до твоего лагеря.

Вера повернулась и сказала, глядя в Костины глаза:

– Давай посидим здесь, я люблю это место, мне кажется, что эта сосна на меня похожа, так же одинока... Хотя я не права – со мной всегда мой Учитель.

Она взяла Костину руку в свои руки, нагнулась, поцеловала:

– Спасибо тебе за всё, Костенька, дорогой ты мой друг и учитель. Иногда так хотелось от тебя чуточку ласки. А знаешь, ведь мы еще совсем молодые, и у нас с тобой всё еще может быть впереди. Я терпелива, я буду ждать. А сейчас я пойду одна, так мне будет легче.

На следующий день, когда прошла утренняя свежесть и солнце повисло над противоположным хребтом, загруженный вертолет с одним пассажиром, взревев турбинами, пронесся над палаточным лагерем, где среди деревьев не было видно одинокую фигурку девушки с застывшим, направленным вверх взглядом серых глаз:

А я останусь, а я останусь
В твоём бревенчатом дому...

ЗОНА

Новый участок поисков был расположен километрах в двухстах северо-западнее предыдущего и с точки зрения природного ландшафта был на него внешне похож. Отличие было в том, что абсолютные отметки сопки и хребтов здесь были немного меньше, а среди тайги преобладала лиственница, украшавшая наступивший сентябрь золотистой хвоей. Сентябрьский воздух еще не потерял летних травяных запахов, но уже по утрам бодрил прохладой, извещая о скорой зиме. Зная об этом, геологи поместили палатки на дощатые настилы и внутри поставили печки-буржуйки.

– Слушай, Игнат, здесь можно и перезимовать, – шутил Костя.

– Нет, Костя, без валенок и тулупа я не согласен, – смеялся Игнат.

– А ты мха натолкай в сапоги – вот тебе и валенки, а тулуп можно попросить у таежного Михаила Ивановича, – ответил Костя.

– А ты попробуй сам попросить тулуп, и на меня тоже, – отшучивался Игнат.

Пару дней назад он решил проверить на случай встречи с медведем эффективность своей одностволки. Зарядил патроном с пулей «жаканом», прицелился в какую-то корягу, нажал на курок и... Из ружья послышалось шипенье, по стволу медленно прокатился «жакан» и упал на землю. «Да, отсырели патрончики», – заметил по этому поводу Костя, но свои патроны проверять не стал.

Потянулись похожие один на другой маршрутные дни. По вечерам перед прохладной ночью начали топить печку-буржуйку. В палатке становилось жарко, как в бане. Ложились сверху спального мешка, а ночью перед утром просыпались от холода и, залезая в спальный мешок, застегивались на все застёжки. Игорь Иванович в маршруты ходил с Игнатом, Костя – со своим неразлучным Колькой Дягилевым, а Камалов в одиночку гремел аммонитом на канавах.

Минерализованная зона не давалась геологам. Были кварцевые жилы, были сульфиды железа, меди и еще кое-что, а касситерит не показывался. Уже набрали несколько ящиков с пробами, которые надо погрузить в неизвестно когда прилетающий вертолет.

Наряду с отсутствием касситерита, отряд мучился из-за отсутствия табака. Все, кроме верующего татарина Камалова, были курящими, а по неизвестной причине был забыт ящик с сигаретами, приготовленный вместе с продуктами. Запасы курева, которые были личными у каждого, быстро закончились. И начались поиски старых окурков. Игнат вспомнил, что при строительстве оснований под

палатки он бросал «огромные» окурки под дощатый настил. Срочно разобрали настил и просеяли весь мусор в поисках окурков. Колька Дягилев вспомнил, что когда-то ходил в соседний распадок к речке рыбачить, где он забросил место рыбалки окурками. Сбегали туда и собрали. И потом начали курить подручные вещества – мох, сухие ольховые листья, даже помет лосей.

Но отсутствие минерализованной зоны мучило отряд больше всего. Игорь Иванович в один из вечеров после осмотра и чистки своей трехлинейки объявил:

– Завтра и послезавтра назначаю выходные, пойдем на рыбалку через хребет на север; с собой возьмем промывочный лоток – надо будет проверить и посмотреть шлиховые пробы на касситерит. Идут желающие.

Пожелали идти Игнат и Колька. Костя решил отоспаться, полежать, полениться и помечтать о доме. Камалов пошел заканчивать свою канаву – у него заработок зависел от пройденных кубических метров выработки. Утром после завтрака тройка геологов во главе с начальником отряда неспешным шагом по распадку отправились вверх.

Костя помахал им рукой, залез в спальный мешок, достал из рюкзака свой любимый том «Песни и романсы на стихи русских поэтов» и углубился в чарующие строки стихов. Некоторые стихи он слышал в музыкальном исполнении, а большинство не слышал и читал впервые. Костю поразило то, что многие песни, которые он считал народными, имели своих авторов. «Вот так, – думал Костя, – спустя какое-то время автора забывают, а его сочинение живет, как народное».

Молода еще девица я была.
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело. Я стояла у ворот –
А по улице все конница идет.

Тут подъехал ко мне барин молодой,
Говорит: «Напой, красавица, водой!»
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Он достал тетрадку и начал писать очередное неотправленное письмо Рите: «У меня сейчас утро, а у тебя еще глубокая ночь. Я знаю – ты лежишь на правом боку и тебе снится сон, что ты встала и готовишь мне на завтрак яичницу с салом. Ах, как я давно это не ел. Я знаю, что при твоём неумении готовить это единственное, что ты делаешь очень хорошо! И вообще, я соскучился по твоей азиатской челке, по твоему запаху».

Вечером он, как обычно, затопил печку и, напившись густого чая со сгущенным молоком, которого по случаю выходного съел целую банку, уснул спокойным сном праведника. Проснулся Костя перед рассветом от необычного ощущения. Подумалось: «Что-то не то, или что-то не так». Но вставать не хотелось – в палатке прохладно, если не сказать холодно. Он подождал, лежа некоторое время, и решил, что надо вставать. Выйдя из палатки, Костя ахнул – везде лежал снег. Первая мысль: «Что с ребятами, спальников нет, взяли легкую палатку». Подумал: «Выкрутятся. Игорь Иванович человек бывалый, не даст пропасть». Потянулись часы ожидания.

Только поздно вечером, уже почти в темноте, усталые, полуобмороженные фигуры добровольных «рыбаков» ввалились в палатку. На Костин вопрос, где рыба, Игнат недовольно промычал: «Сам лови». Только отогревшись, наевшись и напившись горячего чаю, путешественники рассказали о своих злоключениях. Отошли они довольно далеко от лагеря – километров тридцать по карте, а ногами будут все пятьдесят. Поставили палатку и приготовили ужин, а рыбалку отложили на утро. А ночью здорово похолодало, налетели тучи и пошел густой снег. Еле-еле без сна дождались рассвета и, наскоро перекусив и запив горячим чаем, двинулись по снегу в обратный путь. На последнем дыхании вернулись в лагерь. Вот и вся рыбалка! Досаднее всего, что не отобрали шлиховых проб – промывать речной песок при таком холоде не разрешил Игорь Иванович. На Костин вопрос: «Что будем завтра делать?» Игорь Иванович ответил: «Утро вечера мудренее».

Утром Костя проснулся раньше всех «рыбаков», которые отсыпались после тяжелого путешествия. Лагерь и окрестности чудно изменились. Снежный покров, по его оценке, составлял сантиметров десять по толщине. Сосны, ели и даже не успевшие оголиться лиственницы приобрели белоснежные уборы. Температура по ощущению была около нуля. Снизу из долины дул легкий ветер, и сверху сыпался небольшой снег. «Да, – подумал Костя, – в маршрут не пойдешь, пришла зима, а мы без саней». После завтрака Игорь Иванович, поглядев на притихший свой отряд, объявил решение:

– Будем сворачиваться и выходить самостоятельно. Маршрут, как выходить, мы смотрели раньше, менять ничего не будем – спускаемся в долину, там, я думаю, теплее и вряд ли будет снег, двигаемся вдоль левого берега Амгуни в сторону поселка Березовый, а там есть «железка» до Комсомольска.

Еще несколько часов отряд готовился к выходу – сворачивали палатки, печки, укладывали пробы, инструмент, оставшуюся взрывчатку (патроны с аммонитом). С собой брали недельный запас продуктов (одна банка тушенки и половина банки сгущенки в сутки на человека), спальные мешки и личные вещи. Запасливый татарин Камалов взял несколько шашек аммонита – на всякий случай. Почти всю запасную одежду надели на себя – и теплее и вроде груза меньше.

Игорь Иванович перед выходом предложил посидеть на дорожку, а Игнат воспользовался моментом, чтобы «сфоткать» всех сидящих. Камалов совершил свою очередную молитву, в которой попросил милости у Аллаха к путешествующим.

Первые несколько часов похода были самыми трудными. Оказывается, спуститься по заснеженным камням гораздо труднее и опаснее, чем подниматься. Через километров десять спуска заснеженный ландшафт стал переходить в пятнистый, а через некоторое время между деревьями и кустами появилась зеленая с желтизной трава. Геологи приободрились, идти стало намного легче, даже Колька затянул любимую песню про ЛЭП-500.

Наступило время искать место для ночлега. Главное, что найти воду не было проблемы – отряд двигался вниз по долине и постоянно пересекал ручьи и маленькие речушки. У одной речной излучины решили остановиться. Речка петляла из стороны в сторону, ее перекаты среди камней сменялись более глубокими заводьями, вода была чистая и прозрачная. Игнат и Костя начали собирать сухой плавник для костра, а Камалов порылся в рюкзаке и вытащил шашку аммонита: «Сейчас Аллах нам пошлет мал-мала балыка, будет «тэмнэ», вкусно; вы, молодые, становитесь ниже по течению на перекате и выкидывайте рыбу на берег». Он ото-

шел метров на пятьдесят к тихой заводи и бросил туда шашку с очень коротким куском огнепроводного шнура. Через несколько секунд прогремел глухой взрыв и вверх взметнулся водяной фонтан. К глубокой радости Кости и Игната впереди по течению показались рыбы тушки, которые они поспешили выкинуть на берег. Бог послал полведра прекрасного балыка (рыбы), которую всеведущий Камалов обозвал ленком. Ленок это был или не ленок, всем было все равно, но наваристая уха показалась очень вкусной после опостылевшей говяжьей тушенки.

На следующий день десять, а может быть пятнадцать километров геологи прошли без привала лесом, двигаясь на юг навстречу солнцу. Каменистые осыпи лесных прогалов сменялись усыпанными хвоей и листьями лесными дорожками, протоптанными лосями и кабаргой. Воздух становился теплее, чувствовалось приближение большой реки. Игорь Иванович, как обычно, шел впереди отряда, замыкающим был Камалов. Но на последних километрах Костя начал отставать. Игорь Иванович это заметил и, остановившись, спросил:

– Костя, что случилось?

– Да ничего страшного – ступни жжет, у меня такое раньше было – ниже пальцев на ступне выскакивают волдыри, но идти я могу, – ответил без особого энтузиазма Костя.

Отряд прошел еще километров пять, и после очередного поворота речной долины, по которой они шли, открылся великолепный вид большой реки.

– Так вот какая она, таежная красавица Амгунь! – воскликнул Игнат.

– Да, это она, наша родная река, – подтвердил Игорь Иванович.

– Ничего особенного, – пробурчал Камалов, – вот Итиль – это река.

– А где это Итиль? – спросил Камалова Игнат.

За него ответил Костя:

– Итиль – это по-ихнему, по-татарски, Волга.

Пройдя еще несколько километров на северо-восток вдоль левого берега Амгуни, геологи увидели на берегу несколько домов под металлической крышей и возле домов столбы с антеннами и метеоприборами. Вот так удача – метеостанция. Зайдя во двор, Игорь Иванович направился к ближайшему дому, напоминавшему по отсутствию занавесок и домашних предметов на крыльце производственное помещение. Дверь оказалась закрытой на замок. Из соседнего дома навстречу геологам вышли две женщины, одна постарше, перевязанная платком, а вторая моложе, черноволосая, с бойким взглядом карих глаз. Игорь Иванович, поздоровавшись, объяснил, что пришедшие – геологи, выходят с поискового участка и направляются к поселку Березовый. «Отряд ни в чем не нуждается, но вот хотелось бы немного курева».

– Что вы без курева, я сразу догадалась, – засмеялась старшая.

– А что, по нам видно? – спросил Игорь Иванович.

– Да уж заметно, особенно по ним, – она показала на рыскающих по двору и собирающих окурки Игната, Костю и Кольку.

– И что вы одни тут без мужиков делаете? – спросил Игорь Иванович.

– Как без мужиков? А вот такие, как вы, приходят и веселят нас, – усмехнулась черноокая молодуха.

– Да не слушайте вы ее, мил человек, наши мужья на реке – кета пошла, надо заготовить на зиму, – вмешалась старшая. – Заходите в дом, отдохните, чай попьем.

Геологи обрадовались приглашению на чай, давно не сидели в домашней обстановке. Заходя из прихожей в большую комнату на три окна, они увидели на полу расписные ковровые дорожки, сняли сапоги и стали рассматривать нехитрое убранство светелки. Посреди комнаты стоял накрытый белой узорчатой скатертью массивный стол, видно, ручной работы, по бокам стола стояли лавки, накрытые домоткаными ковриками, очень схожими с теми дорожками, что покрывали пол. Один угол комнаты занимала кровать с множеством белых подушек разных размеров, второй угол был украшен иконой с подставкой, на которой стояла лампадка. Костя заинтересовался фотографиями бородатых мужиков в форменных фуражках и без, развешанных в деревянных рамках по стенам. «А это мой дед, амурский казак, а постарше – его дядя, тоже казак, – заметила молодая, которая представилась Настасьей. – Ну ладно мне с вами лясы точить, пора кормить малыша, а вас покормит Валентина Ильинична». На столе в одночасье появилась горка белых суповых тарелок и кастрюля с острым запахом свежего борща.

Игорь Иванович, начавший вытаскивать из рюкзака банку тушенки и сгущенку, поймав укоризненный взгляд Валентины, засунул обратно. «Не беспокойтесь, нас здесь тайга и река хорошо кормят», – ответила на его немой взгляд Валентина.

После борща и пирогов с ягодой и чаем геологи разомлели и начали думать, как перейти к разговору о куреве, но Валентина догадалась сама – принесла две пачки «Беломора»:

– Извините, больше не могу дать, не знаю, когда мужики наши соберутся в поселок.

Костя поковылял на своих ступнях с треснувшей кожей к сапогам.

– А что это у тебя с ногами? – обратилась к нему Настасья.

– Да вот сопрело и волдыри лопнули, – ответил он.

– Да, нехорошо, погоди-ка, дам лекарство, – она вышла в другую комнату, где кормила малыша, вернулась через несколько минут со стеклянной стопкой, наполненной белой жидкостью: – На, промой ранки, и между пальцами тоже. Подожди обуваться, пусть просохнет.

Остальные уже сидели во дворе, наслаждаясь «Беломором».

– Давно вы из города? – обратилась к Игорю Ивановичу Валентина.

– Да с начала июня бродим, ищем, что не потеряли, – ответил шуткой Игорь Иванович.

– Вот наши мужики часто слушают радио, которое нам некогда слушать, – обратилась к Игорю Ивановичу Валентина. – Сказывали, что в наших местах планируется строить железную дорогу, будет называться Байкало-Амурская магистраль. Не слышали?

– Да нет, ничего такого не слышали, да и зачем в этих глухих краях железная дорога, геологи тут еще ничего не нашли, – ответил Игорь Иванович.

– Да не могут же по радио зазря болтать, – заметила Валентина.

– Еще как могут! – засмеялся Костя.

Геологи решили, что к вечеру могут пройти еще километров десять, поэтому засобирались, вставая и заправляя рюкзаки. Молодая Настасья подбежала к Косте и вручила небольшой пузырек с белой жидкостью:

– Бери, бери, вечером перед сном ноги промоешь, а завтра, бог даст, пройдет.

– А что это за лекарство? – Костин вопрос повис без ответа.

Игорь Иванович, едва вышли с метеостанции, улыбнувшись, спросил Костю:

– А ты что, не понял, что за лекарство?

– Нет, не понял, – ответил Костя.

– Да в наших краях все лекарства от природы, а это одно из лучших, лечит опрелости и гнойнички, а называется грудное молоко, – уже серьезно добавил Игорь Иванович.

– Теперь ты, Костя, Настасьиному малышу молочный брат, – засмеялся Игнат.

После довольно прохладной ночевки, лишь только рассвело, геологи, быстро позавтракав, двинулись вдоль левого берега Амгуни на северо-восток. За дальним хребтом правого берега Амгуни в розовом зареве поднималось солнце. Воздух был прохладен и настолько прозрачен, что порой казалось – правый берег рядом. Над рекой было тихо, ничто не нарушало безмолвия – ни гудки парохода, ни стрекотанье моторной лодки, ни рыбацкие голоса. От этой прозрачной тишины несло какой-то тревогой.

Костины ранки на ноге уже чуть затянулись и идти было намного легче, тем более что его продовольственный запас Игорь Иванович распределил между остальными. Отряд вышел из залесненного изгиба реки на прямой участок и оказался в пологой долине, поросшей мелкими деревьями и кустарником. Впереди виднелось что-то вроде старой дороги или тропы. Пройдя этой тропой с полкилометра, путники с удивлением обнаружили, что заброшенная тропа – это остатки железнодорожной насыпи, поросшей кустами и мелкими деревьями. Схожесть насыпи с железной дорогой дополнил полуразрушенный бетонный мост через ручей. «А и вправду, наверное, когда-то строили однопутку», – подумал Костя. Через километр, войдя в мелкий пролесок, геологи увидели вдоль насыпи цепочку старых почерневших деревянных зданий, напоминавших по форме бараки.

Подойдя к баракам, все остановились, с интересом разглядывая и раздумывая об их предназначении. Костя зашел в один барак, потом в другой – везде пустота и гниль. Возле одного из барачков он подобрал мелкое колесико на медном пруте. Подумалось: «Наверное, детская игрушка». Остальные геологи стояли молча возле одного из барачков. Подошедший к ним Костя увидел большую насыпную кучу высотой с полтора метра бело-зеленых старых алюминиевых ложек.

– Что это за ложки?

Костин веселый голос не нашел отклика у остальных. Игорь Иванович с застывшим каменным лицом смотрел на эту кучу ложек:

– Вот так, ребятки, нашли мы её, зону. Только не рудную, а лагерную... Здесь где-то мой батя лежит. – Он помолчал и вытер глаза. – Его взяли ночью в 1937 году. Сначала его, а следом и брата... Оба инженеры-строители. Матери потом кто-то передал, что строил он в тайге железную дорогу, больше никаких вестей о нем не было... Прости меня, батя, долго я шел к тебе...

Уже гораздо позже по маршруту выхода отряда из тайги комсомольцы 70-х проложат восточный участок БАМа – дороги, которую начинал строить Иван Осипович Орлов и еще много его товарищей по «лагерной республике» Дальстрой.

